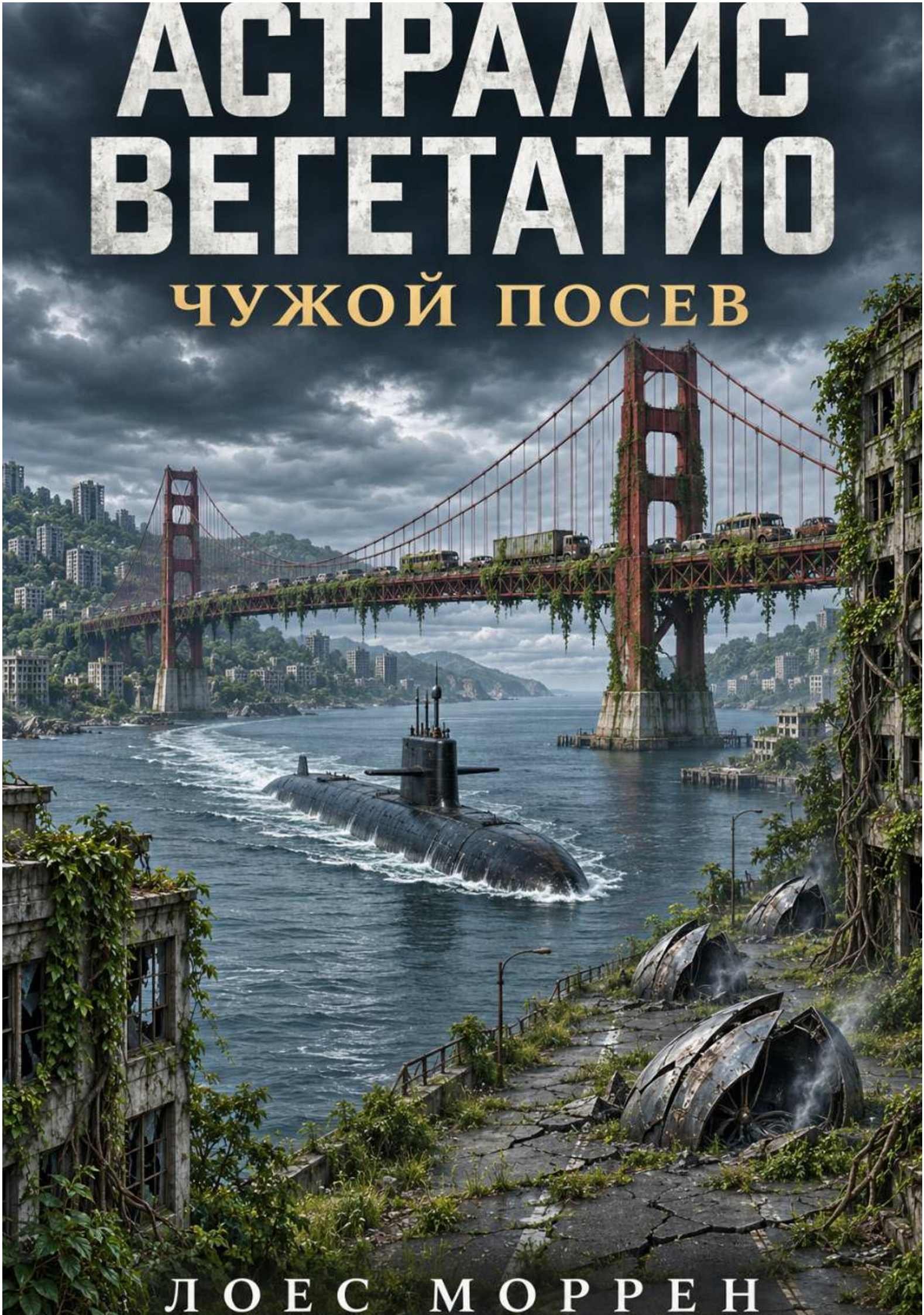
АСТРАЛИС ВЕГЕТАТИО

ЧУЖОЙ ПОСЕВ

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Астралис Вегетатио: Чужой посев

«Автор»
2026

Моррен Л.

Астралис Вегетатио: Чужой посев / Л. Моррен — «Автор», 2026

Два года назад с неба упали первые капсулы. Из разбитых оболочек вытек серебристый газ, и вскоре растения начали мутировать и нападать на людей. Трава пробивала подошвы, лианы стаскивали людей с дорог, а из зарослей доносились голоса тех, кто уже пропал. Теперь Тревор Беннетт и экипаж подлодки «Меридиан» держат курс на Антарктику. Там ещё может работать станция «Бореал». Но у заброшенного порта Тревор замечает дрейфующий катер и находит на борту Карину — единственную выжившую. Ей срочно нужны лекарства, а ближайшая аптека всего в квартале от причала. На пути к «Бореалу» экипаж перехватывает сигнал бедствия с круизного лайнера «Аврора». Мужчина просит принять людей и диктует координаты. Запись повторяется снова и снова, пока однажды после неё кто-то не произносит ту же просьбу. Тем же голосом, без единого вдоха.Тревор уже слышал, как суша зовёт людей к себе. Теперь этот голос звучит посреди открытого моря.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лоес Моррен
Астралис Вегетатио: Чужой посев

Глава 1

У детской коляски на набережной уцелели три колеса. Ветер толкал её вдоль ограды, передняя вилка скребла по плитам, и каждый раз, когда коляска цеплялась за стык, Тревор Беннетт ждал, что из-за ближайшего киоска выйдет человек и возьмётся за ручку. Коляска добралась до скамьи, ударилась о ножку и остановилась. Тревор навёл бинокль на киоск, досчитал до десяти и только тогда перевёл взгляд дальше.

С ограждения рубки «Меридиана» он видел порт до дальних кранов. На одном зелень свисала со стрелы до самой воды, а под вторым осталась грузовая платформа с белыми полосами на бортах. Тревор помнил, как военные водили сюда конвои и как водители на той площадке держали дверцы открытыми, чтобы выскочить по первому сигналу. Теперь на белых полосах можно было различить отдельные листья, а грузовиков он насчитал всего два.

Холодный ветер шёл с воды и забирался под воротник. В первую ночь над этим же берегом белая вспышка разошлась по небу, будто кто-то надрезал его от края до края, и из разреза посыпались огни. Один упал за холмами, ещё два — в стороне складов, и над крышами поползла серебристая муть. Тревор тогда до боли прижал окуляры к лицу, пытаясь отыскать крылья, парашюты или хоть какую-то знакомую деталь.

Наутро к причалу пришёл первый военный конвой, и в порту выстроилась очередь за водой. За два года Тревор видел, как подступы к складам срезали, выжигали и заливали с моря, а зелень возвращалась по водостокам и вдоль кабелей. Последний конвой, который он запомнил, развернулся у входа в бухту с пустыми грузовыми палубами. После него Тревор ещё долго искал на берегу в первую очередь машины, хотя теперь куда больше обрадовался бы дыму от жестяной печки.

Крышка люка стукнула, и на площадку поднялся Хейл. Капитан сунул седую голову под ветер, застегнул ворот куртки и протянул Тревору кружку, из которой уже почти выдуло пар. Тот глотнул и почувствовал на языке вкус вчерашнего чая. Хейл занял место рядом с ним и долго смотрел поверх ограждения, пока не нашёл причал, на котором сходились их старые отметки.

— Дым, зеркала, работающие механизмы, — перечислил Тревор, возвращая кружку. — Дым только у меня изо рта. В верхних окнах ничего, на кранах тоже.

— А ниже окон? — Хейл кивнул туда, где береговая дорога выходила из порта.

Тревор прошёл биноклем вдоль цоколей, разглядел опущенную до половины решётку и подождал, пока свет упадёт под неё. В глубине лежали мешки, перемотанные белой верёвкой, но ни один не шевельнулся. Между решёткой и водой виднелись две наклонные дорожки для спуска лодок, и на дальней что-то блеснуло. Пока он наводил резкость, отблеск пропал и снова появился правее, уже над водой.

— Катер за створом, — сказал он. — Светлый, с синей полосой. В левом окне кто-то машет.

Хейл взял бинокль, и Тревор на несколько секунд потерял катер за гребнем волны. Он боялся снова увидеть в окошке руку: после одного ночного поиска ему два месяца снилось, что он подаёт человеку конец и никак не может добросить. Когда Хейл вернул бинокль, катер уже развернуло боком. Из треснувшей оконной рамы высунулась занавеска, прилипла к стеклу, а потом ветер снова расправил её над водой.

— Ткань, — сказал Тревор и опустил бинокль на грудь. — От берега его несёт к нам. За кормой чисто, винт стоит.

Хейл попросил Илая вызвать катер по радио и подать короткий сигнал с лодки. Ответа не было, зато с приближением катера Тревор услышал глухой удар из-под окна. Он дождался следующей волны, прижал палец к наушнику и услышал ещё два удара, почти вплотную один к другому. Хейл поставил кружку у люка и велел позвать Брукса и Мерсера.

«Меридиан» держался мористее, а катер медленно разворачивался на волне, показывая то окошко с занавеской, то залитую водой кормовую ступеньку. Пока Тревор застёгивал жилет, Хейл велел брать только то, что можно унести за один рейс. Коул Мерсер, уже спускавший за борт свёрнутый брезент, спросил, относится ли это к живым. Хейл задержал его взглядом и ответил, что о живых он хочет услышать сразу.

Коул сел к мотору надувной лодки, Нейт Брукс устроился на носу, зажав винтовку между коленями. Тревор оглянулся всего раз и увидел Хейла на площадке с рукой у наушника. Отсюда ограждение рубки казалось едва выше брызг, и Тревор быстро потерял капитана из виду. Чем ближе они подходили к катеру, тем отчётливее проступало на его борту выцветшее название: «Рут».

— С лестницы слева, — сказал Коул, убирая газ. — За правый борт не хватайтесь, там скоба выдрана. Сейчас подожду, пока нас поднимет.

На гребне Тревор перешагнул на кормовую ступеньку, прихватил мокрый поручень и пропустил Нейта следом. Между судами заглушённо хлюпнул резиновый отбойник. Коул принял бросательный конец, удержал лодку у кормы и остался внизу, откуда ему были видны оба борта. Тревор выпрямился, навёл винтовку на пустой проход вдоль надстройки и позвал хозяев катера.

На площадке у моторного люка лежал мужчина в рабочей куртке. Его ботинок застрял под жестяной коробкой, и та стукнула о борт, когда катер качнуло. Нейт переступил через вытянутые ноги, проверил пульс и накрыл лицо мужчины краем куртки. Тревор снова прислушался: коробка стукнула ровно так же, как издалека, но того второго, короткого звука он теперь не слышал.

Из открытого проёма рубки пахло сырой одеждой и старым жиром. На штурвале висела куртка, под ней на банке сидела женщина в двух свитерах, обхватив живот руками. Тревор потрогал её пальцы через перчатку, а Нейт молча отодвинул пустую бутылку, чтобы осмотреть пол у её ног. На сиденье рядом с ней был разложен прямоугольник парусины, и посередине стояла миска с засохшей полоской на дне.

Под пультом валялись смятые канистры, пустые упаковки и крышки от консервов, тщательно выскобленные до блеска. Тревор поднял жестяную банку, надеясь найти под ней судовой журнал, и обнаружил лист в клетку, прижатый обломком свечи. В верхних строчках возле дат стояли дроби, в нижних чья-то рука выводила по одному нулю на день. Последний ноль был начат дважды, и бумага там прорвалась под карандашом.

— Они от голода легли, — тихо сказал Нейт. Он поставил миску обратно на парусину и потёр пальцем рукоять винтовки. — У нас воды в лодке больше, чем у них в этих канистрах вместе.

Тревор проверил носовой рундук и ступил к двери нижней каюты. Она просела на петлях, а порог разбух так, что ручка двигалась всего на ширину пальца. Он дважды окликнул людей за дверью и выждал, прислонив ладонь к дереву. Снаружи Коул постучал по поручню, спрашивая, долго ли им ещё держаться борт о борт.

Нейт уже взялся за поручень, когда из каюты донёсся хрип. Звук был негромкий, со свистом на конце, как у человека, которому помешали вдохнуть в середине слова. Тревор вскинул ладонь, и Нейт остановился с одной ногой на ступеньке. На этот раз оба услышали, как за дверью медленно протянуло воздух.

— Коул, багор сюда, — сказал Тревор. Он убрал винтовку за спину и опустился на колено перед порогом. — Нейт, посвети на нижнюю петлю.

Коул подал багор рукоятью вперёд, и Тревор загнал плоский конец под край двери. Дерево подалось, с порога посыпались мокрые щепки. В щель легла полоска света, выхватила чью-то пятку в шерстяном носке и руку, лежавшую у самого пола. Тревор налёг на рукоять ещё раз, и из каюты отчётливо попросили воды.

В проёме Тревор развернулся боком, чтобы не задеть винтовкой косяк. На нижней койке лежала женщина в расстёгнутом жилете, поджав одну ногу под себя, как будто собиралась сесть и на середине движения уснула. Двумя пальцами она держала за запястье человека, сползшего с койки на пол. Тревор увидел на его руке широкую полосу от часов, а сами часы лежали у неё на животе, и стёклышко поблёскивало при каждом судорожном вдохе.

Тревор отодвинул часы и представился, назвав только имя, как обычно делал на берегу. Женщина повернула к нему глаза, но пальцы на чужом запястье остались на месте. Он спросил, слышит ли она, и, подставив ладонь под её локоть, почувствовал жар даже через рукав. При каждом вдохе у неё под ключицами натягивалась кожа.

— Я считала до тридцати, — прошептала она. Её взгляд вернулся к руке мужчины, и губы беззвучно шевельнулись ещё раз. — У меня всё время выходит двадцать девять.

Тревор осторожно разжал её пальцы и положил руку мужчины на пол, чтобы она не упала. Он спросил, как к ней обращаться, и после долгой паузы разобрал: Карина Рид. Из кармана её жилета торчал огрызок карандаша с прокушенным концом, похожий на тот, каким вели календарь в рубке. Тревор передал фонарь Нейту и освободил Карине шею от сбившегося воротника.

Нейт подсветил ей лицо, а потом повёл лучом по стенам, где под обшивкой проступали чёрные пятна. Он вынул свою флягу, поставил её на край койки и посмотрел на Тревора поверх маски. Луч фонаря дрогнул, когда Карина закашлялась. Она подняла локоть к лицу, но рука упала прежде, чем она успела прикрыть рот.

— Оставим ей воду и вызовем Патча сюда, — сказал Нейт. — Если она дышала спорами, мы привезём их в жилой отсек. Помнишь, как мы после склада два дня проветривали обувь?

— И кто подаст ей воду, пока ты возишь Патча туда и обратно? — Тревор услышал, что кричит, когда Карина дёрнула плечом. Он подвинул флягу от края и заговорил тише. — Разверни сухой брезент и передай на «Меридиан», что везём одну живую и нужна отдельная каюта.

Нейт ещё секунду стоял в дверях, затем убрал фонарь и нажал кнопку рации. Тревор услышал, как он спокойно, почти по складам, повторяет слово «одна». Пока Илай уточнял, в сознании ли найденная, Тревор подложил под Каринину спину свёрнутую куртку и смочил ей губы из фляги. Она сделала глотательное движение и ухватила его за рукав с неожиданной силой.

— Карту возьмите, — выговорила Карина. Она перевела взгляд на стенку у его плеча, туда, где раскачивался на гвоздике угол мокрой бумаги. — Там внутри карточка. Пожалуйста, целиком.

Тревор хотел спросить, о какой карточке речь, но хватка у него на рукаве уже ослабла. Нейт отодвинул плечом дверь и просунул в каюту развёрнутый брезент. Тревор велел Коулу снять карту вместе со всем, что к ней прикреплено, и услышал, как тот полез за ножом. Вдвоём с Нейтом они подхватили Карину и сдвинули её на сухую ткань, придерживая голову на складке куртки.

Коул успел поддеть гвоздик, пока они выбирались из каюты. На просвет Тревор заметил внутри размокшей карты плотную карточку с сеткой частот и заголовком «Полярная связь». Коул свернул лист печатью внутрь и убрал отдельно от мокрой верёвки. Отойдя к корме, он встал на нижней ступеньке, поймал край брезента и, дождавшись подъёма надувной лодки, принял ноги Карины.

Катер качнулся, и Тревор с Нейтом на секунду оказались каждый на своей стороне щели. Нейт перехватил Тревора за локоть, удержал, пока под ним не появился борт лодки, и только тогда снова взялся за брезент. Когда Коул завёл мотор, Карина открыла глаза и посмотрела мимо Тревора на корму «Рут». Он повернулся за её взглядом и увидел, как занавеска в треснувшем окне снова расправилась над водой.

— Карта у меня, — сказал Коул поверх мотора. Он вынул свёрток ровно настолько, чтобы ей был виден край, и спрятал обратно. Тревор почувствовал, что Карина перестала тянуться к борту, и подложил ладонь ей под затылок на случай, если лодку опять подбросит.

На «Меридиане» уже спустили к воде приёмные стропы и повесили у люка переносной фонарь. Тревор следил за промежутками между вдохами Карины, пока Нейт передавал наверх, что они готовы. На последней волне вода перелилась через резиновый борт и подступила к брезенту. Тревор поднял его край, и в ту же секунду сверху за ткань взялись руки Хейла.

Илай встретил Тревора у нижнего трапа с чистой простынёй через плечо. Пока Хейл с Нейтом передавали Карину вниз, Илай придерживал свисавший брезент, чтобы мокрый край не волочился по ступеням. Хейл отвёл им свободную каюту у поста дежурного и поставил у порога мешок для одежды с катера. Тревор вынул из Карининого жилета огрызок карандаша и сунул его в карман, прежде чем опустить жилет в мешок.

Каюта прежде принадлежала человеку, который прижимал свои фотографии к стене прозрачной лентой. От фотографий остались четыре прямоугольника разного размера, и Тревор знал, в каком из них был снимок женщины с двумя одинаковыми собаками. Он расправил простыню и помог Нейту переложить Карину на нижнюю койку. Когда они убрали брезент, она подтянула ноги к животу, и простыня вздёрнулась над её щиколотками.

— Воду поставьте сюда, — сказал Хейл, пододвигая к койке складной табурет. — Пусть пьёт, когда Патч скажет, что можно. Беннетт, останься у изголовья, она на тебя уже смотрела.

Тревор налил воды в кружку и сел так, чтобы Карина могла его увидеть, если откроет глаза. За переборкой протащили ящик, потом в коридоре застучала знакомая жестяная застёжка. Эверетта Куинна прозвали Патчем ещё до вторжения, когда он ходил по отсекам с мотком ленты на запястье и мог починить им всё, от рукава до защёлки на пульте. Теперь у него на одном плече висел инструментарий механика, а в руке была санитарная сумка с таким же аккуратно залатанным дном.

Патч спросил, сколько времени она была в сознании, и Тревор пересказал всё от первого хрипа за дверью до слов о карте. Патч послушал Карину, измерил температуру и попросил приподнять её повыше. У Тревора под пальцами проступили острые края лопаток, а на шее у неё быстро забилась жилка. Патч долго слушал со спины справа, потом попросил Тревора опустить её и подложить под плечи свёрнутое одеяло.

— Похоже на тяжёлую пневмонию, — сказал Патч. Он снял стетоскоп и сложил трубку вдвое, как делал со шнуром от паяльника. — Пять дней — это если повезёт. Мне бы знать, сколько она так дышит, тогда и гадать пришлось бы меньше.

— У тебя же был запас на случай, если сляжет кто-то из нас, — сказал Тревор. Он попробовал вспомнить, когда в последний раз видел лекарственные коробки в санитарной сумке. — Ты ещё заставлял Коула переписывать сроки годности, потому что он перепутал две строчки.

— Это было весной, — ответил Патч. Он выложил на табурет пустой футляр из-под ампул и две запечатанные упаковки с перевязочным материалом. — Коул переписал всё как надо. С тех пор от списка осталось вот это и полпачки таблеток от боли.

Тревор посмотрел на Нейта, который так и стоял за порогом с брезентом в руках. В полосе света от коридорной лампы на ткани проступили тёмные пятна там, где лежала Карина. Нейт свернул брезент пятнами внутрь и спросил Патча, сколько сменных фильтров понадобится, если держать каюту отдельно. В ответ Патч уточнил, дотащили ли они с катера хоть одну банку, где мог быть запас лекарства.

— Я там каждую банку перевернул, — сказал Нейт. Он поставил брезент у мешка и отступил, освобождая проход. — Может, они ей остатки воды и отдали. Патч, если мы истратим запас на эту каюту, скажи мне сейчас, чем потом прикрывать людей на берегу.

— Дежурный будет держать сменную маску здесь, у двери, — ответил Хейл. Он придвинул к стене ещё один табурет, сел и положил ладони на колени. — Патч, посчитай фильтры, когда закончишь. Брукс, убери мокрое и попроси Уорда открыть журнал.

Патч коснулся ложкой губ Карины, дождался, пока она отзовётся на голос, и помог ей сделать два маленьких глотка. На втором она закашлялась, и Тревор подался вперёд, придерживая одеяло у неё за спиной. Через минуту промежутки между вдохами стали чуть длиннее, хотя свист остался. Патч вернул ложку в кружку и попросил Тревора остаться ещё ненадолго, пока она лежит спокойно.

За дверью Хейл продиктовал Илаю время подъёма пострадавшей с воды. Он попросил записать полное имя и дождался, пока Тревор из каюты повторит фамилию. Потом капитан встал и велел передать Коулу, чтобы тот принёс карту катера, а всем, кто свободен от вахты, через десять минут собраться в центральном посту. Патч пересел к изголовью и протянул руку за кружкой, которую Тревор всё ещё держал обеими руками.

Когда Тревор вошёл в центральный пост, Хейл уже разложил на столе свою карту побережья. Мокрая карта с катера лежала отдельно, на листе упаковочной бумаги, и Коул прижимал её края двумя пустыми кружками. Илай остался у динамика, Нейт встал у дальнего угла стола.

Хейл указал на бухту к югу от места, где они нашли «Рут». Поперёк причала была проведена косая черта. Тревор помнил, как Хейл сам поставил её после последней попытки принять груз с суши.

— Это последний порт на нашем маршруте, где я могу провести вас от воды до двери, — сказал Хейл. Он отмерил на карте расстояние согнутым пальцем и ткнул в прямоугольник за грузовой полосой. — Аптека в квартале от причала. Зелёный козырёк и дверь сбоку, если витрины уже легли.

— До двери вы доведёте по памяти, — сказал Нейт. Он наклонился над прямоугольником. — А сколько там теперь земли, по которой можно пройти? Нам осенью хватило одной клумбы у склада, чтобы весь груз бросить.

Тревор помнил, как разрезал Нейту ботинок, чтобы стянуть его с распухшей ноги. Шип вошёл под самой шнуровкой. Хейл развернул карту к Нейту и карандашом наметил путь по грузовой полосе.

— С утра посмотрим с воды, — сказал Хейл. — По плану мы уже к полудню должны повернуть к проливу и дальше на «Бореал». Станция на юге, в Антарктике, когда-то подтверждала, что у неё есть тепло и места для эвакуированных. Илай, когда они отвечали нам в последний раз?

Илай назвал дату, которую Тревор сначала принял за ошибку. В ту неделю ещё принимали заявки с береговых постов на топливо. Хейл выслушал доклад о неудачных вызовах и вернул палец к аптеке.

— На берегу мы можем потерять человека, — сказал он. — На переходе до станции можем потерять Карину. Патч говорит, лекарство ей нужно здесь, и я готов задержать лодку ради одной попытки. Кто пойдёт?

— Я, — сказал Тревор. Он сунул руку в карман и нащупал Каринин карандаш. — Покажите ещё раз, где боковая дверь.

— Возьми меня, — сказал Коул, отодвигая кружку от мокрой бумаги. — Я с причала найду, по чему тащить сумки, и руки у меня пока обе работают. Только дайте взять отдельный мешок для стекла, а то в прошлый раз у нас всё звенело на полквартала.

Тревор взглянул на Нейта и уже приготовился сказать, что они справятся вдвоём. Брукс некоторое время рассматривал набросок причала, придерживая карту за угол, который всё

время подворачивался. Он положил обе руки на стол и попросил карандаш. Тревор подал ему тот, что держал сам.

— Я пойду, если до высадки договоримся, как возвращаемся, — сказал Нейт. — Отметим, где лодка, куда сворачиваем, если причал отрежут, и сколько ждём человека, если он отстал. Мы на «Рут» полезли вдвоём, а Коул до самого конца гадал, с какой стороны нас снимать.

Тревор хотел возразить насчёт катера, но вспомнил, как на волне пропал борт из-под подошвы. Он придвинулся к Нейту и указал на узкую лестницу, обозначенную у торца причала. Хейл дал им минуту, чтобы разобрать оба подхода, и велел сперва убедиться с воды, что лестница ещё там. Затем он отправил Илая к связи, Коула за пустыми сумками, а Тревора — к Патчу, проверить снаряжение до того, как они лягут отдыхать.

У каюты Карины Тревор услышал кашель. Он постоял у двери, дождался паузы и насчитал за ней два коротких вдоха. Потом пошёл дальше по проходу, придерживая ладонью пустой нагрудный карман.

В мастерской Патч выставил на край верстака два шлема с выцветшими стёклами. С потолочной перекладины свисали тяжёлые кожаные рукава, а на одном ещё виднелась полоска белой ткани от старой нашивки. Патч услышал шаги, снял с крюка третий «Осоед» и с усилием уложил его на стол. Голенище зацепило шнур лампы, и Тревор поймал её прежде, чем она ударилась о край.

— Держи свет сюда, — сказал Патч. Он отогнул голенище и выложил рядом стальную скобу, плоскую пружину и короткий трос с кольцом. — Видишь, как оно должно тянуть? Вот теперь попробуй дотянуться до кольца, пока у тебя обе руки заняты.

Тревор прижал лампу локтем и потянулся к кольцу свободными пальцами. С первого раза он ухватил только грубый шов, со второго нащупал металл, но кольцо выскользнуло, едва он повернул кисть. Патч молча подвинул лампу ближе к столу, чтобы стали видны отверстия под заклёпки. Тревор снял мокрую куртку, положил её на табурет и взялся держать голенище.

Глава 2

К рассвету на верстаке осталась одна лишняя заклёпка. Тревор нашёл её возле лампы, когда пришёл за костюмом, и подвинул к Патчу через весь стол. Механик посмотрел на заклёпку, сдул с неё металлическую пыль и убрал в нагрудный карман. У него на щеке отпечаталась сетка с рукава, на котором он, должно быть, успел поспать.

— Запасная, — сказал Патч. Он дёрнул за кожаное голенище, пока Тревор придерживал ботинок носком. — Две я поставил ночью. Третью ты всё утро будешь вспоминать, если я оставлю её здесь.

Коул сидел на ящике, согнувшись под тяжестью нагрудных пластин. По краю его маски торчала прядь волос, и Патч убрал её под уплотнитель тупым концом карандаша. Потом механик велел всем закрыть глаза и найти кольцо на голенище. Тревор просунул палец под кожаный клапан и нащупал сталь там, куда ночью так и не сумел добраться с лампой под локтем.

— Сначала левый, потом правый, — сказал Патч. Он поставил ладонь на носок Коулова ботинка и дождался щелчка. — Теперь вынь ногу. Второй так же.

Коул поставил ступню в толстом внутреннем носке на палубу и выпустил из второго ботинка пятку. Потом он поднял обе ноги, и пустые ботинки остались стоять перед ящиком, развернувшись носками в разные стороны. Тревор потянулся поправить один из них, но Патч подвинул ботинок к себе и показал, где трос выходит наружу. На испытании трос гулял в направляющей свободно, и кольцо возвращалось на место от лёгкого толчка пальцем.

— Когда гриб держит подошву, этого хватит, — сказал Патч. Он обхватил рукой голенище выше застёжки и прижал трос большим пальцем. — А если схватит здесь, сразу зовите второго человека. Дёргать можно долго, я специально проверял.

Тревор помог Коулу снова обуться и придержал верхнюю защёлку, пока тот затягивал ремень. В «Осоеде» трудно было сесть на корточки, а колено упиралось в жёсткий край накладки всякий раз, когда он наклонялся. Нейт уже проверил свои ремни и ждал у выхода с часами поверх рукава. Увидев, как Тревор возится с застёжкой, он молча подставил под Коулову пятку низкую подножку.

Патч передал Нейту листок с названиями препаратов и велел следить за временем работы фильтров с момента высадки. Коул получил сумку под лекарства, Тревор — короткий секатор, который можно было открыть рукой в перчатке. Последним Патч вынул из ящика винтовочный магазин с белой полосой на боку. Тревор узнал метку с той осенней вылазки, когда один из заражённых добежал до лодки после трёх попаданий и вцепился зубами в край весла.

— Вчера ты говорил, что у тебя осталось два, — сказал Тревор. Он принял магазин и большим пальцем стёр с белой полосы приставшую стружку. — Где второй?

— Я сказал, что два было, — ответил Патч. Он закрыл ящик и задвинул защёлку до упора. — Стреляй, когда тебе понадобится остановить человека. Для остальных случаев у тебя обычные.

К шлюзу Тревор пошёл первым, придерживая секатор, чтобы тот не бил по бедру. У поста дежурного он услышал Каринин кашель и остановился, хотя Нейт чуть не наступил ему на пятку. Кашель прервался посередине, затем из-за двери донёсся скрип койки. Тревор успел поднять руку к косяку, прежде чем Патч сказал ему идти, и уступил механику проход.

На площадке у люка Хейл протянул Тревору бинокль. От «Меридиана» до причала было около ста метров, и в утреннем свете Тревор разглядел лестницу у торца и низкий спуск дальше по бетону. Нейт тоже посмотрел и ногтем поставил на влажной копии карты две точки, где можно было выйти к воде. Хейл дождался, пока он уберёт карту под клапан, и велел Илаю засечь время с момента отхода.

В надувной лодке Тревор сел лицом к берегу. Пока Коул отводил их от корпуса, он видел через плечо Хейла пустую площадку и прикрытый люк. Потом «Меридиан» остался за спиной, и у самого носа лодки поплыл по воде длинный лист. Коул сбавил ход, давая листу пройти в стороне от винта.

У лестницы Коул поймал нижнюю перекладину багром и продержал лодку у бетона, пока Тревор выбирался наверх. Ступени были целы до самой площадки, хотя между двумя верхними перекладинами уже протянулась белёсая нить. Тревор обошёл её сбоку и закрепил конец так, чтобы снять его с воды одной рукой. Нейт включил отсчёт на часах и провёл поперёк борта причала две короткие черты мелом.

До запасного спуска было шагов сорок. Нейт дошёл до него по чистому краю, нагнулся и проверил, выходит ли бетон к воде или обрывается на отливе. Потом он вернулся к Тревору, показал, откуда на спуск можно попасть со стороны складов, и поставил на стене короткую стрелку. Отметку на карте он обвёл Кариниым карандашом, придерживая бумагу на колене.

— Лестница первая, спуск второй, — сказал Нейт. Он переставил сумку Коула подальше от кромки и указал на выступ над водой. — Если кто отстанет, ждём здесь. Отсюда видно обе стороны причала.

Тревор повторил порядок Хейлу по рации и получил короткое подтверждение. От воды улицу закрывала решётка, на которой когда-то висел план порта, и теперь из-под пластика лезли мелкие рыжие побеги. За решёткой начинался газон, проложенный между площадкой и рядом магазинов. Трава лежала под ветром ровно и густо, а вдоль бордюра тянулся вытоптанный просвет, словно здесь много раз проходили по одному следу.

Коул приблизился к просвету и выставил носок за бордюр. Травинки у подошвы поднялись по очереди, сначала перед ботинком, потом с обоих боков. Тревор схватил Коула за петлю на спине, и тот отдёрнул ногу в ту секунду, когда по толстой подошве прошёл сухой скрежет. На бетон упали два прозрачных обломка, а на резине остались короткие царапины, уходившие вверх к шнурам.

— Я почти на землю встал, — сказал Коул. Он согнул колено и всмотрелся в порезы, насколько позволяла маска. — Глянь сбоку, до кожи достало?

Тревор провёл ладонью по подошве и показал ему целый шов над резиной. Коул поставил ногу рядом с другой и осторожно перенёс на неё вес. Нейт поднял один обломок травинки кончиком багра, и Тревор увидел на свету крошечный обратный зубец. Нейт стряхнул обломок обратно за бордюр и первым свернул к старой грузовой полосе.

Дорожная разметка сохранилась там, где колёса грузовиков годами стачивали покрытие до светлого камня. Тревор шёл вдоль белых прямоугольников и останавливался, когда на стыке плит появлялась земля. Каждый такой стык он проверял взглядом до самого края, а там, где плиты провисли, пропускал Коула по одной широкой балке от разобранной рампы. Из-под балки пахло мокрым картоном, хотя на солнце бетон давно высох.

Перед пустым павильоном Тревор заметил босой след. В пыли отпечатались пятка и четыре пальца, пятый отступал вбок, как у человека с давно сломанной стопой. За первым следом шли ещё два, потом они исчезали у газона, где трава смыкалась над трещиной. Тревор присел и заметил совсем тонкий ободок влаги по краям пятки.

— Тут кто-то ходит, — сказал он. — След свежий. Посмотрите на окна.

Нейт проверил окна над павильоном, а Коул приподнял руку и замер, показывая, что услышал звук со стороны витрин. Тревор вслушался и уловил негромкое постукивание, будто плохо закрытая ставня ходила на ветру. Ни в одном окне никто не показался, и через несколько секунд Коул опустил руку. Тревор пометил на карте место, где следы выходили к их полосе, и повёл группу дальше.

Козырёк аптеки остался зелёным только у самой стены. Дальше на нём лежала ветка толщиной в руку, и из складок коры свисали тугие серые коконы. Тревор отыскал боковую

дверь Хейла и показал Нейту, что к ручке можно добраться вдоль ограждения. Коул перенёс сумку вперёд, боком протиснулся между стеклом и перилами и опёрся на стойку, чтобы не поскользнуться на осколках.

Тревор увидел, куда уходит стойка, только когда она качнулась. Кора дерева сомкнулась вокруг металла, и вместе с оградой едва заметно шевельнулся ближайший кокон. Дрожь пробежала по перилам и отдалась у Тревора в рукаве, которым он задел перекладину. Под козырьком разом прекратилось тихое постукивание.

Из кокона высыпались осы, и первые долетели до Коула раньше, чем он убрал руку с ограды. Тревор перехватил его за предплечье, когда тот поднял локоть к лицу. Сквозь две перчатки он почувствовал, как Коул сжимает кулак, и удержал его руку у бедра. Нейт возле двери прижался к витрине, оставив между собой и Коулом место на один шаг.

— Стой как стоишь, — сказал Тревор. Осы уселись на плечевую накладку, и несколько сразу полезли под её край. — Смотри на меня. Руки вниз.

Одна оса подползла к запястью Коула и несколько раз ткнулась концом брюшка в плотную кожу. Другая обошла её, щупая усиками строчку, и соскользнула с гладкой заклёпки. Тревор видел, как на наружной стороне накладки собираются новые насекомые, пока те, что уже проверили шов, поднимались обратно к ветке. Внутри маски у Коула стало мутнеть стекло, и Тревор следил за его глазами, пока различал их.

— Я слышу их изнутри, — сказал Коул. Он выговорил это так тихо, что Тревор едва разобрал слова по движению губ и шороху в наушнике. — Скажи, когда я смогу выдохнуть как следует.

Тревор уже хотел ответить, когда увидел осу на клапане маски. Она вцепилась лапками в край и начала протискивать голову под резину, которая при каждом выдохе чуть приподнималась. Остальные ползли по стеклу, и он почти пропустил вторую у того же клапана. Тревор нашёл под грудной лямкой кнопку отпугивателя и поднёс блок к самому плечу Коула.

В наушнике зазвенело, осы оторвались от маски и повисли перед стеклом. Тревор выдержал несколько секунд, пока они отлетали под козырёк, и отпустил кнопку, экономя батарею на случай обратного пути. Коул медленно опустил подбородок, затем повернул голову к двери. Нейт потянул ручку на себя, придержал дверь, чтобы она не ударила по ограде, и пропустил их внутрь.

В аптеке пахло известью, мылом и мокрыми коробками. Под витриной стояли два пластиковых стула, а у одного на сиденье остался пакет с номером из очереди. Тревор подождал, пока Коул отойдёт от стекла, и показал ему на сухое место возле стойки. Коул поставил туда сумку, несколько раз сжал и разжал пальцы и спросил, цел ли у него клапан.

— Цел, — ответил Тревор. Он посветил на резину сбоку, пока Коул поворачивал голову. — Отойди к шкафу. Там коробки сверху сухие, подай их Нейту.

Нейт расправил листок Патча на прилавке и прижал к углам две банки с ватой. Он сверял названия по одному, поворачивая каждую коробку к свету, а Тревор проверял шкафы за стойкой. Верхние дверцы кто-то уже взломал, и внутри лежали пустые пузырьки. Ниже остались только ящики, разбухшие у пола так, что ручки торчали под углом.

Коул сложил перевязочные пакеты на дно сумки, оставив сверху место, и подал Тревору отвёртку, найденную у кассы. Тот втиснул её между фасадом и направляющей, придержал ящик коленом и потянул, пока древесина не треснула. Из щели высыпались карточки от поставщика и упаковка в плотной бумаге. Тревор поднял её с пола и высветил на картоне название, которое Патч дважды подчеркнул на листке.

Нейт подошёл к нему и сверил название на коробке с листком, переведя палец по буквам от начала до конца. Потом он нашёл в ящике вторую запечатанную упаковку и проверил её в том же порядке. Тревор положил обе в сумку Коула поверх перевязочного материала и сам

застегнул молнию. На мгновение ему представилось, как Патч наклоняется к Карине с ложкой, и он застегнул ещё и наружный клапан, хотя упаковки уже лежали плотно.

Крик донёсся со стороны причала, и Коул сразу поднял голову. Тревор подошёл к витрине и увидел на краю грузовой полосы человека в расстёгнутой рубашке. Тот шёл босиком по газону, раздвигая стебли голенями, и трава снова поднималась у него за спиной. Из-за павильона вышли ещё двое и тоже пересекли газон, оставив его целым до самого бордюра.

Тревор перевёл взгляд на ноги первого и увидел отставленный вбок палец. Человек остановился у белой разметки, запрокинул голову и снова закричал тем же долгим горловым звуком. Ему ответили слева, из-за витрин, которые закрывали путь к запасному спуску. Нейт сложил листок Патча вчетверо и убрал его, глядя на боковую дверь.

Первым с места сорвался тот, что стоял у белой разметки. Тревор ждал, что он побежит к двери, но человек пересёк улицу и остановился под стеной, откуда был виден выход к грузовой полосе. Двое других разошлись по сторонам, и там, где между ними оставался просвет, начиналась трава. Тревор перевёл взгляд на боковую дверь и увидел через стекло, что с той стороны к аптеке уже идут ещё двое.

— Коул, возьми сумку, — сказал он. Он достал магазин с белой полосой и на секунду придержал его ладонью, чтобы защёлка села до конца. — Нейт, через дверь и вдоль витрин. За углом жди меня, там свернём к лестнице.

Нейт приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы видеть угол здания. Сумка Коула зацепилась ремнём за крючок под прилавком, и Тревор услышал, как Коул потянул её к себе. В ту же секунду первый человек бросился через дорогу, запрокинув одну руку так, будто заранее собирался схватить кого-то за плечо. Тревор вскинул винтовку из-за косяка и выстрелил.

Человек сел на бетон с такой внезапностью, что его протянутая рука осталась на миг в воздухе. Он попытался встать, упёрся пальцами в землю и завалился боком. Тревор с осенней вылазки помнил, сколько шагов заражённый способен сделать после попадания, и держал винтовку на нём, пока Коул проходил за спиной. Второго он увидел по отражению в витрине: тот приближался вплотную к стене, пригнувшись ниже подоконника.

Тревор повернулся в проёме и выстрелил ещё раз. Плечо нападавшего ударилось о раму, стекло дрогнуло, и с ветки за козырьком сошёл целый пласт ос. Они ударили по стеклу, по ограде и по маске Тревора, и несколько секунд он видел только тёмные чёрточки на забрале.

Кнопка отпугивателя оказалась под лямкой, и Тревор успел надавить на неё костяшкой, прежде чем одна из ос добралась до клапана. Рой отхлынул на длину вытянутой руки и тут же сомкнулся над дверью. За углом Нейт крикнул, что видит выход, и Тревор шагнул к нему.

Коул успел нырнуть под козырёк соседнего магазина, прежде чем из-за его дальней опоры выскочил третий. Тревор увидел раскрытый рот и руку, протянутую к сумке, и выстрелил в тот момент, когда Коул пригнулся. Нападавший проехал на коленях по плитке и задел Коула плечом, но Коул устоял и перетащил сумку через низкий порог. Ещё две фигуры вышли к белой полосе на звук выстрела.

— Идите! — крикнул Тревор. Один из заражённых обошёл упавшего и сразу сместился, открывая другому путь к козырьку. — Коул, держись за Нейтом, я вижу вас обоих.

Последние два патрона Тревор потратил из проёма, пока товарищи бежали вдоль витрин. Когда затвор остался открытым, он отступил за угол и на ходу потянулся к клапану с запасным магазином. Клапан успел отогнуться, но ремень винтовки зацепился за сломанную табличку на стене. Тревор сорвал его рывком и в этот момент почувствовал, как Нейт ухватил его за лямку у плеча.

— Сюда, по бетону, — сказал Нейт. Он потянул Тревора между низкой подпорной стеной и краем газона, где под ногами оставалась узкая серая полоса. — Грузовую они уже перешли. Держись у стены.

С этой стороны причал был виден до самой лестницы. На сером борту белели две черты, а ниже, на воде, подрагивал конец, которым они привязали лодку. Коул уже вышел вперёд, прижимая сумку к боку, и там, где бетонная полоса изгибалась, шагнул через низкий бордюр, срезая угол по асфальту. Тревор успел увидеть ровную поверхность и маленькое бурое пятно там, куда опустился Коулов каблук.

Асфальт проломился сразу под всей подошвой. Коул сел набок, одна нога ушла по колено, и под краем покрытия что-то тихо затрещало, словно отдирали мокрую ткань. Сумку бросило вперёд, но ремень остался на плече, и она повисла снаружи над целым краем. Коул упёрся свободным ботинком в бордюр и поднял голову, когда провал под ним стал шире.

Тревор лёг на бетон у бордюра и схватил Коула за запястье. Под кромкой асфальта показались бледные волокна, а в месте, где они обхватили ногу, по ткани растекалось мутное клейкое пятно. Волокна стянули голенище выше ботинка и вдавили трос в складку у щиколотки. Тревор нашёл кольцо на ощупь, потянул, и оно упёрлось ему в сустав, так и не сдвинув трос.

— На мне верёвка, — сказал Коул. Он прижал ладонь к бордюру и приподнял голову, глядя на Тревора сквозь верхний край запотевшего стекла. — Вытащи из задней петли. Я сам застёгивал, она там.

Нейт выдернул моток из петли и защёлкнул карабин у Коула на поясе. Затем он упёрся ногой в основание стены и начал выбирать верёвку, пока Тревор просовывал секатор под асфальт. Верхнее волокно лопнуло, оставив на лезвиях белую липкую полоску, и Тревор нащупал второе, толще первого. Коул потянулся вверх одновременно с Нейтом, и у него под локтем отломился кусок кромки.

Провал осыпался до бордюра, и из-под асфальта показалась целая сетка волокон, уходившая вглубь под улицу. Коул опустился ещё на несколько сантиметров, и натянутая верёвка сдёрнула Нейта с упора. Тревор перехватил Коула под мышками и почувствовал, как тот помогает ему обеими руками, пока хватало опоры для свободной ноги. Со стороны аптеки доносился бег, уже ближе, чем шум ос под козырьком.

— Стяни ремень с плеча, — сказал Коул. Он попытался сбросить сумку, но та упёрлась в нагрудную пластину. — Она тянет меня вбок. Сними, тогда я к тебе повернусь.

Тревор пропустил руку под ремень и выдернул сумку на бетон. Коул действительно сумел повернуться, но стоило Тревору приподнять его, как волокна на дне натянулись, а по краю провала пошла новая трещина. Нейт бросил взгляд к лестнице и тихо позвал Тревора по имени. Тревор всё ещё держал Коула под мышкой, когда повернул голову и увидел людей у низкого спуска.

Трое поднялись от воды и шли поперёк причала к белым чертам. За ними с газона на бетон перебрался ещё один, и Тревор узнал короткий размах рук, с каким первый заражённый бросился к аптеке. До лестницы от них было дальше, чем от Тревора, но с каждым шагом они отрезали ту часть причала, где можно было бежать вдвоём. Нейт придержал натянутую верёвку локтем и поднёс рацию ко рту.

— «Меридиан», мы у лестницы, — сказал он. Тревор услышал начало ответа Илая и треск, когда Нейт снова натянул верёвку. — Нас трое. Один в провале, ждите.

Коул перестал тянуться к бордюру и перехватил Тревора за рукав. Из-за запотевшего стекла Тревор видел только один его глаз и мокрые волосы у края уплотнителя. Он попробовал ещё раз подвести секатор к тросу, но лезвия упёрлись в асфальт, а волокна под ним шевельнулись от нажима. Коул придвинулся насколько смог и сказал, что Тревор ему нужен здесь.

Тревор посмотрел вдоль бетона и увидел, как ближайший заражённый миновал меловую стрелку Нейта. За спиной у них всё громче гудел рой, и на краю слышимости кто-то споткнулся о металлические перила. Секатор так и остался раскрыт у Тревора в руке, когда он велел Нейту бросить верёвку и идти к лодке. Нейт сперва подтянул её на себя, и Тревору пришлось повторить приказ, на этот раз с его фамилией.

Коул всё ещё держал его за рукав. Тревор сказал ему «прости» так тихо, что сам с трудом разобрал слово в маске. Потом разжал Коуловы пальцы, подхватил сумку и побежал вдоль стены, цепляя ремнём за бедро при каждом шаге. До самой лестницы ему казалось, что кожа на рукаве тянется там, где осталась рука Коула.

Нейт уже спустился и удерживал лодку у нижней перекладины. Тревор бросил сумку на дно, съехал по двум последним ступеням и прыгнул следом, навалившись грудью на резиновый борт. Нейт сорвал конец, мотор схватил со второго рывка, и лодку развернуло кормой к пирсу. Тревор поднялся на колени и увидел, как двое заражённых навалились на Коула, а один рванул ткань у плечевой накладки, пока шов не разошёлся до горловины.

Лодка осела на первой волне, и надувной борт закрыл пирс. Тревор опустился на дно и прижал сумку коленями, чтобы её не бросало от борта к борту. Илай переспросил по рации, троих ли принимать, и Нейт повернул ручку до сухого щелчка. Тревор смотрел, как он держит ладонь на выключенной рации, пока «Меридиан» не заслонил полнеба и сверху не бросили конец.

Глава 3

Илай подтянул надувную лодку к спуску и придержал её нос багром. Тревор подал ему сумку, но, когда Илай взялся за ручку, ещё секунду держал ремень у себя в кулаке. На серой ткани осталась косая белая полоса от бордюра, за который Коул цеплялся ладонью. Илай перехватил сумку обеими руками, и Тревор наконец разжал пальцы.

— Ставь у люка, — сказал он. У Илая ещё висел на шее наушник, из которого слышалось потрескивание. — Там лекарства. Скажи Патчу, что обе пачки сухие.

Нейт заглушил мотор и подтолкнул лодку к нижней ступени. Тревор пропустил его вперёд, сам полез следом и на полпути оглянулся на причал. С воды теперь виднелась только верхняя кромка бетона, и две белые черты слились на ней в одну. Патч у входного люка выставил руку поперёк прохода, чтобы оба остановились на настиле для очистки.

Хейл поднялся к ним, пока Патч доставал щётки и разворачивал пакет под грязное снаряжение. Капитан посмотрел сперва на Тревора, потом на Нейта, у которого рация всё ещё висела на расстёгнутой петле. Илай остался с сумкой у люка, и Тревор слышал, как внизу конец надувной лодки трётся о скобу. Тревор поднял забрало и доложил, что Коул остался на причале.

— По порядку, Беннетт, — сказал Хейл. Он раскрыл журнал на колене и провёл карандашом вдоль пустой строки. — С какого места вы его тащили?

Тревор назвал изгиб бетонной полосы, где Коул срезал угол. Потом рассказал про грибницу под асфальтом, про зажатый трос и про то, как кромка осыпалась под руками. Слово «потеряли» он произнёс только в самом конце, когда дошёл до лодки и разворота у лестницы. Хейл поднял карандаш над страницей и спросил, что Тревор видел с воды.

— Двое навалились на него, один разорвал шов у плеча, — сказал Тревор. Он повернул голову к причалу и снова увидел только кромку бетона. — Борт закрыл мне обзор, когда мы отошли.

— Я держал верёвку до приказа, — сказал Нейт. Он отстегнул рацию и положил рядом с журналом, будто она могла подтвердить его слова. — Тревор приказал оставить Коула. Я потянул ещё раз, прежде чем отпустить.

Тревор помнил, как Нейт потянул верёвку на себя, и слова, которыми он отправил его к лестнице. Он сказал Хейлу, что приказ действительно отдал сам и повторил его, когда Нейт остался на месте. Капитан записал фамилии рядом, а ниже оставил свободную строку для времени. Когда Илай назвал минуту последнего вызова, Хейл вписал её и закрыл журнал.

На секунду Тревор подумал, что капитан сейчас скажет разворачивать лодку. Вчера, у карты, он ещё мог представить себе, как будет выглядеть любой обратный путь, и только теперь понял, что раз за разом мысленно подводит лодку к той же лестнице. Из рукава Нейта капала вода, и три капли успели лечь на настил, прежде чем Хейл отступил, давая Патчу место.

Патч первым взялся за застёжки Нейтова костюма, и Тревор помог ему стянуть тяжёлый рукав. Со своего секатора он снял липкую нитку только со второго раза, и она свернулась в пакете, как мокрая стружка. Потом он вычистил ботинки над поддоном и спустился за Патчем туда, где отводили место под просушку. На двух соседних крюках ещё с утра висели кожаные ремни, которые Коул сам протягивал сквозь пряжки, чтобы они не перекрутились.

Тревор повесил свой «Осоед» и отодвинул его так, чтобы тот не занимал соседнего крюка. Внизу тем временем щёлкнула молния сумки, и Патч попросил Илая принести листок с названиями. Тревор спустился и увидел на столе обе пачки, которые сам уложил поверх перевязочных пакетов. Пока Патч сверял этикетки, он подал ему сумку целиком и сказал, что её вынес Коул.

— Принеси воду и чистую простыню, — ответил Патч. Он сложил лекарства в санитарную сумку и застегнул её с первой попытки, хотя защёлка обычно цеплялась за ткань. — Потом сядешь у изголовья. Она сегодня всё спрашивала, кто ходит за дверью.

Тревор нашёл простыню в бельевом ящике и вернулся с полной кружкой. Патч уже давал Карине первую дозу, поддерживая ей голову ладонью, и Тревор подождал, пока та сглотнёт, прежде чем подложить сухой край простыни. Потом он сел на табурет, на котором вчера сидел Хейл, и спросил, когда станет ясно, помогло ли лекарство. Патч придвинул кружку ближе к койке и сказал, что сперва им нужно пережить ближайшие сутки.

Через сутки Тревор вернулся на смену с журналом наблюдений, в котором Патч просил отмечать сон, воду и приступы кашля. Он успел вписать время, прежде чем заметил, что Карина открыла глаза и смотрит, как движется его рука. На этот раз её взгляд задержался на его лице, когда он отложил карандаш. Она облизнула губы и шёпотом спросила, успел ли спастись кто-нибудь ещё с «Рут».

У Тревора был готов ответ на вопрос, где она и кто её сюда привёз. Пока он смотрел на аккуратный столбец цифр, ему вспомнилась выскобленная миска на куске парусины и рука мужчины на полу. Он закрыл журнал, чтобы между ним и Кариной ничего не было, и подвинул табурет к самой койке. Потом сказал, что они осмотрели катер и нашли живой только её.

Карина долго лежала, глядя на его колени, и Тревор уже потянулся за кружкой, когда она спросила про женщину у штурвала. Тревор описал два свитера и миску на сиденье, потому что запомнил их лучше лица. Карина тихо сказала, что женщину звали Рут и катер она назвала в честь себя, чтобы никто больше не спорил о названии. На слове «спорил» у неё перехватило горло, и ей пришлось несколько раз вдохнуть прежде, чем она смогла поднять глаза.

— Вы на «Меридиане», — сказал Тревор. Он подал кружку и придержал её, пока Карина пробовала пить. — Это подлодка. Вы вчера уже видели Патча, он сидел там, где сейчас я.

— Я думала, это вы, — ответила Карина. Она отпустила кружку и провела ладонью по простыне, нащупывая край койки. — У него тоже всё время холодные руки. Сколько нас здесь?

Тревор глянул на пальцы и машинально растёр их о брюки. Тревор назвал капитана, Илая, Нейта и Патча, а в конце добавил, что сам тоже живёт здесь. Имя Коула он пропустил и заметил это только тогда, когда Карина повторила их имена про себя, беззвучно двигая губами. Она упёрлась ладонью в матрас, приподнялась и вдруг закашлялась так, что Тревору пришлось подхватить её под плечи.

Он помог ей лечь и поправил сбившееся одеяло, пока кашель понемногу стихал. Карина отдышалась и кивнула на упаковку, которую Патч оставил возле журнала. В её взгляде появилось то сосредоточенное выражение, с каким она на катере просила взять карту, и Тревор понял, что она помнит свой голос в той каюте. Ему пришлось придвинуться, чтобы расслышать вопрос о том, кто принёс лекарство.

— Коул Мерсер, — ответил он. Он посмотрел на её ладонь, всё ещё напряжённую на краю матраса. — Он был с нами на катере. На берегу я положил лекарство к нему в сумку, и он вынес её из аптеки.

Тревор мог бы рассказать, как сумка повисла над провалом, и про то, сколько усилий потребовалось, чтобы снять ремень с плеча. Он слышал собственный голос у бетонной полосы так отчётливо, словно Нейт снова включил рацию и оставил её у койки. Карина ещё ждала, глядя на него, но он встал, чтобы долить в кружку воды. Когда он обернулся, она уже смотрела на пустую стену с четырьмя светлыми прямоугольниками.

— Он взял мою карту? — Карина сделала вдох и ненадолго прикрыла глаза. — На «Рут» он показал мне край бумаги. Карточка осталась внутри?

Тревор сказал, что карта у Патча и что её сушат с того вечера. Карина попросила принести её, как только бумагу можно будет разворачивать, и провела пальцем по простыне, словно показывая место, где лист складывался. Тревор запомнил её движение, но спрашивать, что

именно она хочет найти, было уже поздно. Её глаза закрылись, и на этот раз она продолжала спокойно дышать, пока он отодвигал табурет.

У двери он встретил Нейта с чистой водой и предупредил, что Карина снова уснула. Нейт поставил кружку у порога и коротко спросил, говорила ли она что-нибудь про Коула. Тревор ответил, что она спросила про лекарства и карту, и Нейт посторонился, освобождая проход. До бывшего торпедного отсека оставалось несколько переборок, и только у последней Тревор понял, что оставил свой журнал на табурете.

В бывшем торпедном отсеке Патч занял стол от стены до стены. На одном краю сохла карта Карины, проложенная листами старой упаковочной бумаги, а на другом лежал раскрытый журнал в потёртом кожаном переплёте. Тревор узнал «Библию выжившего» по заплате на корешке, вырезанной из чехла для рации. Патч наклонился над рисунком ботинка и провёл две жирные черты через целую строчку.

— Покажи, где прижало, — сказал Патч. Он придвинул журнал, оставив ладонь на нижнем углу страницы, чтобы та не загнулась. — Ты вчера сказал «у щиколотки». Мне нужно знать, с какой стороны.

Тревор провёл ногтем по рисунку от кольца до направляющей, потом поставил палец там, где на голенище была складка. Патч подал ему карандаш, и Тревор нарисовал вокруг ботинка две неровные петли. Третью он начал выше, где по коже расползлось мутное пятно, и поймал себя на том, что нажимает так сильно, будто хочет прорвать бумагу. Патч молча подложил под страницу картон.

В старой записи под двумя чертами ещё читалось, что сброс освобождает ногу при любом захвате грибницей. Тревор вспомнил, как Коул сидел утром на ящике, подняв обе ноги, и как смешно выглядели два пустых ботинка перед ним. Потом он рассказал Патчу, что они тянули Коула за пояс и что от усилия у того под локтем пошёл асфальт. Патч дописал сбоку несколько слов, а рядом поставил дату и фамилию Коула.

— Он сам потянулся к нам, — сказал Тревор. Он отложил карандаш и поправил картон под страницей, хотя тот лежал ровно. — Упирался здоровой ногой и тянулся. Потом край ушёл у него из-под руки.

Патч кивнул и обвёл место, где проходила направляющая троса. От карандаша по столу передался лёгкий стук, и в конце верстака что-то тихо заскребло. Тревор поднял голову и увидел за прозрачной стенкой резервуара свёрнутый побег толщиной в палец. Рядом с побегом лежала мерная полоска, которую Патч закрепил ко дну двумя винтами.

Тревор опёрся локтем о край стола и машинально постучал пальцами возле резервуара, ожидая, пока Патч закончит запись. Побег распрямился на второй удар и хлестнул по стенке так близко от его руки, что Тревор отдёрнул пальцы. Пока стол ещё мелко дрожал от удара, побег дважды скользнул по прозрачной стенке, ощупывая угол. Патч взял резервуар за ручки и приподнял, и лиана замерла, не успев добраться до крышки.

— Видишь подкладку? — спросил Патч. Он опустил резервуар на сложенную вдвое резину, которую Тревор сдвинул локтем. — На резине оно почти всё время лежит, а без неё слышит мои шаги.

Тревор присмотрелся и различил на срезе побега каплю прозрачного сока. Патч сказал, что нашёл отросток в брошенной таре у воды и с тех пор держит крышку запертой, даже когда побег лежит неподвижно. Тревор переставил локоть дальше от резервуара и спросил, могло ли под асфальтом всё держаться на таких же волокнах. Патч ответил, что по одной нитке судить трудно, и придвинул журнал обратно, чтобы Тревор дорисовал кромку провала.

Карту он показал, когда они убрали карандаш и закрыли резервуар крышкой от света. Бумага высохла пятнами, и вдоль одного сгиба проступила выцветшая пометка о конвое, за которой тянулись почти стёртые цифры. Тревор поддел угол упаковочной бумаги и увидел вклеенную карточку полярной связи, ту самую, которую Коул снял вместе с картой. Под заго-

ловком он сразу нашёл «Бореал» и частоту, написанную поверх печатной строки мелким, очень уверенным почерком.

— Илай вызывал их по старому списку, — сказал Тревор. Он поднёс лампу и перечитал цифры, чтобы убедиться, что вода не превратила одну в другую. — Тут конец другой. Можно попробовать отсюда.

Патч велел сначала переписать строку целиком и проследил, чтобы Тревор захватил пометку о времени вызова. Потом он вложил карту между листами и перевязал их тесьмой, оставив карточку на свету. По внутренней связи вызвали Беннетта в центральный пост на доклад о маршруте, и Тревор сложил листок с частотой вчетверо. Патч придержал карту ладонью и сказал, что отнесёт её Карине сам, когда та проснётся.

Хейл ждал у карты, разложив поверх неё узкую полоску с отметками за последние двое суток. Тревор узнал свой почерк у вчерашнего порта и заметил, что после времени отхода тянулось пустое место до самой нижней кромки. В центральном посту пахло остывшим кофе, и рядом с Хейлом стояла кружка с карандашами, среди которых Тревор нашёл тот, Каринин, с прокушенным концом. Он положил рядом листок с частотой и попросил Илая взглянуть на последние цифры.

Илай унёс листок к приёмнику, сличил с тем, что было записано у него на обложке тетради, и позвал Тревора ближе. Печатная частота на карточке совпала с давней записью, а рукописная поправка уводила вызов в сторону. Он спросил, откуда у Карины карточка, и Тревор сказал только, что на катере та берегла её вместе с картой. Илай записал новое время сеанса и начал настройку, пока Хейл искал что-то в кармане карты.

Капитан достал оттуда лист, переломленный надвое по одной и той же линии столько раз, что сгиб стал белым. Тревор узнал бланк старой береговой сводки по жирной рамке, в которой радисты обычно отмечали адресатов. Над рамкой сохранилась дата, а под ней стояло число людей, которых станция «Бореал» уже приняла к тому дню. Тревор перечитал строку дважды и спросил, почему в прошлый раз Хейл сказал только про места для эвакуированных.

— Потому что число было верным на день передачи, — ответил Хейл. Он разгладил сгиб ногтем и указал на приписку в нижнем углу. — Смотри, просят присылать людей двумя рейсами, чтобы успеть подать воду и прогреть второе помещение. Это последняя сводка, которую мне успели переслать с материка.

Тревор помнил, как принимали последние сообщения вдоль берега. Каждый голос просил что-то одно: сухие повязки, вывоз тяжёлых, людей с инструментом или просто ответить, чтобы в комнате слышали кого-нибудь ещё. От станции впервые за долгое время у них лежала перед глазами бумага, где кто-то обещал принять людей и объяснял, как именно это устроит. Тревор провёл пальцем под строкой о втором помещении, стараясь представить, сколько в нём могло быть коек.

В наушниках Илая ожило шипение, и он подал знак, чтобы все замолчали. Тревор слышал только его половину вызова: название станции, короткую паузу и просьбу ответить на этой частоте. Илай повторил её дважды, потом отодвинул один наушник и пометил у себя время. Хейл дождался, пока тот опустит руку, и спросил, было ли что-нибудь за помехами.

— На первом вызове прошла какая-то несущая, — ответил Илай. Он повернул к себе тетрадь, оставив под карандашом пустую строчку. — Голоса я не разобрал. Повторю, когда поднимем антенну после выхода из бухты.

К началу утренней вахты Патч принёс расчёт припасов и поставил на стол кассету, которую утром сняли с вентиляционного блока. По краю фильтра проступила серая полоса, и Тревор узнал ту же пыль, что вымывал из швов костюма. Патч показал пальцем, сколько кассет у них осталось в упаковке, и отодвинул использованную к стене. Потом он разложил лист с пайками, где карандашная черта обрывалась раньше линии предполагаемого перехода.

На краю листа стояли три пометки против береговых пунктов, где они рассчитывали пополнить запасы. Одну бухту уже перегородило зеленью, из второй им никто не ответил, а в третьей они вчера нашли аптеку и спустили лодку без одного человека. Тревор взял карандаш, чтобы зачеркнуть третью точку, и передумал: там ещё предстояло отметить провал, пока он помнил его положение.

— Фильтров хватит на прямой маршрут, если уйдём от берега сегодня, — сказал Патч. Он придержал пальцем строку с продовольствием. — С едой хуже. Урежу порции, а у Карины пока оставлю как есть.

Хейл попросил отметить, сколько они выиграют, если выйдут в открытое море ближайшим проходом. Тревор нанёс маршрут на карту и показал место, где можно повернуть на юг, обойдя отмель. Капитан проверил отметку, велел готовиться к выходу и приказал держать кратчайший путь к станции. Илай уже передавал распоряжение на пост управления, когда приёмник щёлкнул и из динамика прозвучало «Мэйдэй».

Илай поднял ладонь, и Тревор успел перехватить край стола, чтобы отодвинутая кассета не скатилась на палубу. В голосе, который поймал приёмник дальней связи, застревал глухой шум, и первое название судна Тревор разобрал только по последним слогам. Мужчина просил срочной эвакуации с круизного лайнера «Аврора» и медленно диктовал координаты. Перед последней цифрой голос сорвался, а где-то рядом с микрофоном хлопнула дверь.

Тревор нашёл в тетради Илая свободный лист и записал то, что успел удержать в памяти. Координаты уводили от южного курса, в открытую воду, где им нечем было бы укрыться от ветра, если бы пришлось работать на надувной лодке. Илай вызвал «Аврору», назвал «Меридиан» и попросил сообщить число людей и состояние судна. Из динамика донёсся ровный шум, и Тревор успел поставить точку на карте, пока Илай ждал ответа.

Через несколько минут мужчина заговорил снова. Тревор подвинулся к динамику, чтобы расслышать, добавит ли тот что-нибудь после их вызова. Голос снова сорвался на последней цифре, и дверь хлопнула с тем же коротким металлическим звоном. Илай приложил палец к тетради как раз в тот момент, когда кончилась запись.

— Один и тот же кусок, — сказал он. Он показал Тревору две отметки времени, проставленные у края листа. — Передатчик сам гоняет запись по кругу. Могут и сейчас сидеть рядом с ним, если у них нет приёма, а могли записать просьбу несколько дней назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.